

Сергей РЯДЧЕНКО

Агнец в хризантемах

А она как-то в июле, числа двадцать девятого, поднялась еще затемно, смастерила ни с того, ни с сего убогий подрамник, приладила к нему холст, взяла в руки кисть с красками и написала к закату солнца первую в своей жизни картину.

Непонятно, как это так получается.

Зыбка все, все на волоске. А рвется — вмиг и пучками.

Назовем ее Маргаритой.

Янтарные глаза, волосы цвета меди на солнце, безупречные черты и стремительная фигура, прибавьте к этому ум и неизменное радушие — это все и будет Маргарита. И у нее в жизни всегда все хорошо, как какой женщины и положено. Она притягивает ясную погоду и веселое настроение и одаривает ими всех, кто рядом. И те, кто знает ее с детства, рос с ней в одном дворе, на одной улице, кто ходил с ней в школу, в кино, на свидания, сидел рядом за партой и пользовался ее шпаргалками, и те, кто бывает у них в доме последние лет двадцать пять — тридцать, и к кому они в ответ частенько в гости хаживают, все мы, короче, и не мы, могут подтвердить это в любое время дня и ночи. Как и тот неоспоримый факт, что, хоть повезло, конечно, только Олимпийцу, ну, на то он и Олимпиец, но все без исключения мужчины нашей немаленькой сохранившей себя сквозь годы дружной компании в детстве, отрочестве, в юности или даже уже потом были точно разок по уши в Маргариту влюблены. Вот такая Рита эта наша Марго. На службу ни дня не ходила, — это в наше-то время, одна из нас! — ну, разве что полторы смены пионервожатой в летнем лагере после третьего курса, и все. Провела, можно сказать, весь век домохозяйкой в башне из слоновой кости, при Олимпийце, но даже это, да простят нас господа феминистки, не причинило Маргарите никакого вреда — не отупела, не растолстела. Наоборот. Хранила очаж, следила за собой, читала хорошие книги, любила мужа, сына, папу с мамой, друзей, компании. Хорошо из года в год.

А потом.

Как справила сорокалетие, так муж — надежный, отзывчивый, сильный и красивый — бросил, ушел к другой. Активисткам движения "Все мужчины сволочи" — праздник, в их статистику прибыло. А Маргарите? И кто только ее тогда ни жалел. Говорили: "Какая несправедливо!" И она соглашалась: "Несправедливо, ох, несправедливо!" И еще говорили: "За что ж ей такое?", "За что тебе?" И она охотно подхватывала: "Господи, за что же мне?" Олимпийцу, естественно, кости перемывали — крутили пальцами у виска, талдычили расхожее "седина в бороде, бес в ребро" и предрекали скорые разрешения такой незаданной, мол, переберется и назад прибежит, нигде не денется, или вот, молодуха его сама выгонит, старый он ей, а Майка, спец по гороскопам, вообще, мол, что та — инопланетянка, теперь их много, проведет на мужике эксперимент и улетит восвояси, а тому ж куда? Назад в дом, как миленький, только с придурью. Верилось, ох, верилось. Но та все не улетаала, и Олимпиец, с придурью или без, возвращаться не собирался.

И тут гром среди ясного неба — скончался отец, веселый, энергичный, влиятельный, в одночасье от сердечного приступа у себя в кабинете. Похоронила. А девяти дней не прошло — и мать вслед за ним. Как утешиться? Легкая смерть. Слез не было. А в том же мае-апреле воротился со срочной Станислав, сын, без ноги, на костылях, всегда нетрезвый. Заплакала. Горько плакала. Одно утешение — живой зато, но вскоре и оно как-то выдохлось. И не стало жизни. Ни прежней и никакой.

И пожар. Дом, оставленный Олимпийцем, сгорел дотла. Да что дом, едва сами выбрались. В больнице мы ее навещали кто когда, носили вкусенькое. И глаза отворачивали. Красота ее, так скажем, понесла значительный урон. А Стасу — да что после всего ему сделается? Хлебнул стакан — и доволен.

Поселилась теперь с ним Маргарита в неурядно большой оставшейся от отца квартире. Кирилл, наш давний приятель-крючковтор, не последний человек, помогал ей отстоять себе жилье у государственного ведомства. Он и рассказывал. А мы туда уже не ходили. Вся компания, насудачившись, угомонила и осталась при Олимпийце с молодой женой, предположительно — с Сириуса. Маргарите мы теперь лишь позванивали разок в полгода спросить, как дела и не нужна ли какая помощь. На первый вопрос Маргарита отвечала утвердительно, а на второй, соответственно, наоборот. На что жила? Бог ее знает. Помогали, конечно, кто чем иногда, а так не знаем. Думается, отход нашей компании от хоровых выступлений по оплакиванию Маргаритиних несчастий всем пошел на пользу.

Мы убеждены в этом по двум причинам. Во-первых, чтобы не чувствовать себя ни в чем виноватыми, это раз. А во-вторых, ну сами подумайте.

А наш Илья, парапсихолог, тогда еще, надо отдать ему должное, не совсем сумасшедший, дал Маргарите весьма дельный совет.

— Прости, — сказал он ей, — папу с мамой за то, что умерли, Олимпийца, что разлюбили, сына, что водку пьет, и себя за обиды на них и одиночество.

— Ты, — сказала мне потом Маргарита по телефону, — действительно самый умный из моих друзей.

— А я-то при чем?

— Я ж у тебя совета просила? А ты к Илье направил. И в точку.

Понимайте, как хотите.

И вот как-то в июле поднялась она еще до рассвета и к концу дня написала на холсте маслом первую в своей жизни картину, а на следующий день — еще одну, и так каждый день в течение семи с половиной месяцев, всего двести двадцать девять картин, день в день. И, говорят, наутро после первой — "Ягненок в хризантемах" — Станислав испытал внятный импульс к новой жизни, освоил опять улыбку, норовил теперь подсобить по дому, взялся мастерить рамы, понравилось, стало получаться, смастерил себе верстак, пить не бросил, но больше не напивался, и мать не корила отныне. Тихо, без зла в сердце, освоил протез, отложил костыли, изготовил трость, а вскоре и ее, резную, на стену повесил. В их просторный квартал в старом доме на площади картины занимали все больше пространства — полкомнаты Маргариты, теперь мастерской, и целиком, штабелями, и в рамах и без рам на широких полках чуть ли не до потолка, всю комнату Стаса. В гостиной теперь стояли верстак и кровать Маргариты, а Станислав жил на кухне, на уголке, где иногда, засидевшись допоздна, курил и изучал в ночном окне свое новое отражение.

Все драгоценности Маргариты, включая обручальные, пропали в огне, ничего не осталось. Продавала по частям старинный гарнитур покойных родителей. Кое-кто из нас время от времени подбрасывал им кое-какую снедь. Михаил, по хозяйству, завозил пиломатериалы. А Олимпиец, прослышав, доставил как-то сундук с красками.

На двести тридцатый день Маргарита спала до полудня, пробудившись, не пошла к холсту, а выбрала из стопки картину в розовой раме "Старый большевик на велосипеде" и велела сыну снести в Горсад. Сама же отправилась в паспортный стол. На то, чтобы вернуть себе девичью фамилию, соблюсти Великий Пост, отоспаться и отдраить квартиру от многопылья и нечаянных красок, ушло сорок два дня, и Стас героически простоял их от звонка до звонка в Городском саду, при "Большевике на велосипеде"; большевик не походил лицом ни на кого из признанных товарищей по партии, хотя и был лысоват и большеголов и в несусветном галстуке в горошек, но напоминал лишь самого себя, розовощекого, и велосипед под ним на фоне отставного ландшафта из плакучих ив и скрипучих наличников тоже был розовый и трехколесный. Казалось, никогда с ним ничего не сдвинется. Но в конце пасхальной недели под вечер какие-то юные туристы из Западной Европы приобрели вдруг у Стаса прихваченную по случаю нездоровья резную трость за недорого, а потом уже по полной цене и самого "Большевича". Вечером дома Маргарите со Станиславом взгрустнулось даже, и помянули они красным вином розового олуха, дабы обиталось ему сподручней в швейцарских люксембургских.

И вот на вырванных деньги закатила Маргарита банкет-торжество, как в прежние времена, для друзей-знакомых и их знакомых с друзьями, и перетекло оно естественным образом в вернисаж-распродажу. И пошло-поехало. В июле, ровно год спустя после "Ягненка", Олимпиец затасил к Маргарите галереищика из Германии, а за ним уже объявились и из Австрии, и из Канады с Америкой.

О Маргарите заговорили вдруг все разом — и искусствоведы, и психологи, и феминистки, и гринписовцы, и телеведущие с президентами, и премьер-министры со своими супругами, а полотно "Вознесение с конем" за баснословную сумму приобрел шейх из Эмиратов.

Бум вокруг ее работ, ее имени прокатился буквально по всем континентам, и к этому Рождеству Маргарита продала и богатым снобам с ротозеями, и серьезным ценителям, и в музеи, и частным лицам всего сто сорок четыре картины, то есть двенадцать в квадрате, что вызвало бурный восторг у Майки-астролога. Ее манере наперебой навешивают ярлыки: ампириное барокко, позитивный негативизм, гиперлубок, нейромодернизм и проч.

Маргарита меньше, чем за год, разбогатела сказочно. Красоту, конечно, не вернешь, а вот уехать подальше от полудрузей с полувоспоминаниями можно. И они со Стасом перебрались в Новую Зеландию, где тот открыл фабрику по изготовлению протезов. Говорят, у него есть мечта: разыскать всех пострадавших на той долгой войне и обеспечить их безвозмездно своей продукцией. Те, кто знал его прежде, часто спрашивают, выпивает ли он; пусть спрашивают. Марк, путешественник, побывал у них и даже нырял там за жемчугом. Звала в гости и нас к себе. Картины Маргарита теперь пишет подолгу, и месяц, и два, торопиться больше незачем. Из просторного ее дома сквозь французские окна виден океан, то шторм, то зыбь, то штиль, то ураган, а у горизонта два острова — с вулканом и с пальмами, и небо в облаках, и облака без неба, и небо без облаков, а звезды по ночам в слезах, живые, и ничто никогда не повторяется ни в окне, ни в небе, ни на ее картинах, и все имеет свою цену, и все бесценно.

При отъезде Маргарита подарила каждому по работе. "Просветленный лесоруб" висит у Михаила, "Вступление Водолея" — у Майки, "Клякса в Книге Перемен" — у гостиницы Кириллы, у Илюши, тогда еще при памяти, "Ослик Лао-цзы", а у Олимпийца — "Капитан воздушного шара" и "На Орионе все спокойно". Мне тоже досталось две — "Санаторий для ангелов" и "Караван твоей судьбы". В искусстве я не смыслию, но когда смотрю на них, то в груди у меня щекотно, и жить хочется.

И вот получается, что если б шло все, как заведено, но ничего б такого и не вышло, и мир бы недополучил причитающейся ему красоты. Но заведено как раз так, чтобы обязательно что-нибудь да приключалось на Земле человека. Так нас Промысел на Путь загоняет. Аминь.

Ну что, поверили?

А тогда угадайте, где ж мы тут приврали для пушей убедительности, что в нашем рассказе для вас наименее правдоподобно. Готовы?

Ваш ответ:

Вот видите, недоверие у нас вызывают только взлеты, и никогда — падения. Крепко мы приучены, чтоб настрадаться под завязку, а потом уже — в эмпирии. Заведено у нас так, чтоб сперва бревном по башке на лесоповале, или молнией куда следует, или там цунами, арест, реанимация, тогда порядок, тогда, если у кого-то от такого зеньки вдруг бац! — и распахнулись, и видит он, слышит, поет и нюхает теперь уже не так, как мы с вами, а успешней и блистательней, то мы тут простить готовы, и все согласны: что ж вы хотите, через такое пройти! Вот и пробудился, вот и пробудилась. Короче, добро пожаловать в свет да любовь сквозь трагический катарсис апофеоза несчастий. Да что далеко ходить, я и сам Гамлета люблю.

Так вот нич-чего подобного с Маргаритой и в помине не случилось.

Олимпиец ее на месте, отзывчив и влиятелен, а если он кратковременно и оставлял Маргариту для своих космических изысканий, то нам об этом ничего не известно. У Маргариты две взрослые дочери замужем за учеными, живут в Канаде. Там и внуки с внучками. Там и выставки ее работ проходят чаще, чем в Европе. А папа с мамой у нее бодрый и молодой, увлечены зарядкой цигун и друг другом. Низкий им поклон за пример к подражанию. Дом на Фонтане — полная чаша. И куда она из него, естественно, и не думала. Ну, и где тут почва для самораскрытия, где, укажите, толчок к внутреннему преобразению?

В саду у Маргариты с утра пораньше, сразу после рыбалки, мы и заседаем нашей сквозь годы дружной честной компанией. Солнце в зените, а тут под вишней просто рай. Шутки, нам привычные, терзают столичных тележурналистов, объявившихся снимать фильм о Марго.

Недоумевают:

— Простите же, вы что ж, все это тут сейчас просто так вот сочинили?

— Не все, — смеемся. — А только напасти и несчастья. И не просто так, а с умыслом. Чтоб правдоподобно. А то ж кто поверит?

— Отчего ж вы сами-то не пишете?

— Писали б, — отвечаю к радости застолья. — Да не умеем.

— Это ведь такая, — говорит им Колян, мистик. — Новые времена. Не терзаться муками, а радоваться радостью. Вот в чем новизна, и Маргарита ее воплощение.

— Но давайте все же разложим правду и вымысел.

— А вы какую правду, — говорит бывалый

На фото — Сергей Рядченко.
Редакция поздравляет автора с 65-летием

физик Георгий, — в виду имеете? Ламинарную или турбулентную? Или так давайте глянем — корпускулярную или с природой волны? Грядет третье тысячелетие. Конкретно знать надо, к чему стремиться.

Но журналисты — народ крепкий:

— Нет, ну, кроме шуток, господи, неужели ничего такого вообще никогда не происходило?!

— Вот видите, — говорю, — сами ж и не верите.

А Елизавета, музыковед:

— И правильно. А я им скажу! И знаете, что тогда стряслось? Маргоше сорок стукнуло, вот что. Трудно поверить, но так.

Ага, тут мы все наперебой вспоминаем, как в тот же день пропал бесследно обожаемый афганский кот Сидор, а уж потом, только потом наутро, пробудившись, Маргарита написала первую картину.

— Потрясающее знамение — белый кот! — радуется Майка, приглашая нас всех снова и снова разделять с ней ее восторг.

Журналисты переводят дух.

— Скажите, Маргарита, а правда, что Метрополитен принял от вас в дар то самое, первое, теперь такое знаменитое, полотно "Ягненок в хризантемах"? Это оно в каталоге "Lamb Amidst the Marguerites"?

— Да, — отвечает оборотворительная лучистая хозяйка дома. — Нравится? Стас был против. Но потом решили: вольному воля. Как-то так.

— Какой Стас?! Вы ж говорили — две дочери. Сказали ж — никаких несчастий!

Илюша, дай ему Бог здоровья, разъясняет: — А каким отсчетом реальности, уважаемые люди, намерены вы воспользоваться, проводя различие между успехом и катастрофой?

Телевизионщики в транс.

Мы опять же наперебой их успокаиваем. Ну, что вы, честное слово, как дети малые? Будто не знаете, что жизнь не так проста, чтоб уложиться целиком в слова или кадры. Неужели не знаете? Жизнь проста, но по-иному. Выше нос, молодые люди. И кто-то бубнит им, что феномен Маргариты уже вошел термином в новейшие монографии по теории раскрытия личности, но что именно он там теперь означает, сформулировать сколько-нибудь однозначно в рамках сегодняшней посылки, увы, не получится. Маргарита на прощанье дарит им "Яблоко в поднебесье". Они пакуются в автобус.

— В Киев? Домой?

— Куда? Да, к себе, в Веллингтон.

Ну да, тоже верно. Пора и нам по домам.

Загостились.

Прощай, океан. Прощайте острова на горизонте.

Дай тебе Бог, Маргарита.